

УДК 81
**ТВОРЧЕСКИЙ БИЛИНГВИЗМ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ФЕНОМЕНОЛОГИИ БИЛИНГВИЗМА**

Маслова В.А.

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Витебск, Беларусь

В статье рассматривается творческий билингвизм на материале русской поэзии. Билингвальные поэты оказывают мощное воздействие на общество, стимулируя в нем билингвальное восприятие, билингвальные формы коммуникации и, в конечном счете, билингвальное мышление. Поэтому изучение проблемы индивидуального билингвизма важно для понимания феноменологии билингвизма в целом, который занял одну из важнейших позиций в иерархии условий выживания в современном мире.

Ключевые слова: билингвизм, творчество, феноменология.

Двуязычие, как известно, проявляется в двух основных типах: социальный (массовый) билингвизм и билингвизм индивидуальный (литературно-творческий). Их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга.

Творческий билингвизм, с одной стороны, может стать коммуникативной нормой, в которой можно различить элементы двух языков; с другой стороны, это стилистический прием, т.е. путь отражения действительности. Он также претендует на статус коммуникативной нормы. В этом плане индивидуальный билингвизм постепенно соотносится с билингвизмом социальным, коррелируя с ним и перерастая в него.

Мировое сообщество, идущее к двуязычию и многоязычию как к норме жизни, неявно стимулирует индивидов, представителей творческих профессий обращаться к другим языкам. Со своей стороны поэты оказывают мощное «обратное воздействие» на общество, стимулируя в нем билингвальное восприятие, билингвальные формы коммуникации и, в конечном счете, билингвальное мышление. Поэтому изучение проблемы индивидуального билингвизма важно для понимания феноменологии билингвизма в целом, который занял одну из важнейших позиций в иерархии условий выживания в современном мире.

В XX столетии вопросами взаимного влияния контактирующих языков в условиях билингвизма занимались такие выдающиеся российские лингвисты, как И.А. Бодуэн де Куртене, В.А. Богородицкий, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин. Принципиально новый толчок разработка проблемы дала книга американского лингвиста Уриеля Вайнрайха *Languages In Contact* (1953), в котором были заложены прочные, по сей день не утрачившие своей актуальности основы изучения дву- и многоязычия в рамках общей теории языковых контактов.

Индивидуальный (литературный) изучался фрагментарно. Вопросами творческого «переключения» с одного национального языка на другой плодотворно занимались Бернар Дадье, В.Е. Багно, У.М. Бахтикиреева, Р.Ю. Данилевский, Ю.Д. Левин, М.Н. Эпштейн, Барбара Лёнквист и др.

Занимаясь проблемой билингвизма, следует помнить, что не существует языков больших и малых, сильных и слабых, богатых и бедных. Аналитический строй не лучше и не хуже синтетического, агглютинация не хуже фузии и т.д. Структурное разнообразие языков — это только разная техника, разные средства выражения, но сами возможности выразить содержание принципиально равны. Между тем судьбы языков, их роль в мире и перспективы значительно различаются. Языки равны только перед Богом и лингвистом, как справедливо отметил американский исследователь.

Говоря о постсоветском обществе, нужно подчеркнуть роль русского языка трудно переоценить роль русского в жизни каждого народа на постсоветском пространстве. Как образно и справедливо заметила У.М. Бахтикиреева, он учит нас не очерчивать границы, а сооружать мосты между народами [1].

Сегодня русский язык обеспечивает единство евразийского пространства, являясь средством межнационального и международного общения.

Нас интересует поэтический билингвизм. Известно, что в поэтическом тексте нет формально-незначимых элементов. Все элементы в нем суть смысловые (Ю.М. Лотман).

Иноязычное слово в литературном произведении — это достаточно мощный указатель на иной народ (нацию), его культуру, традицию, историю, эпоху, на уникальный национальный ментальный формат [3].

В нашей работе лингвистически интерпретируются эти феномены в когнитивном контексте и как стилизация. В этом плане иноязычие уникально и едва ли допускает замещение какими-либо иными средствами языка и речи или иные существенные модификации. Мы выделили следующие экспликативные инокультурного пространства текста

1. Включение в русское стихотворение крупных иноязычных отрывков. Таково стихотворение Льва Лосева «Bloody Russian» (английские), изначально задуманное как стилизация, но с явным намерением расширить и продлить этот литературный прием путем построения в произведении иллюзии документальности, аутентичности изложения. Сделано это при помощи целого комплекса языковых средств, вплоть до ссылок на другие персоналии в авторских сносках. Так, в творчестве того же Льва Лосева имеется текст, созданный так, чтобы читателю не сразу было ясно, на каком языке он все же изначально написан.

Особого внимания для исследования творческого билингвизма заслуживает поэзия Елены Зейферт, по собственным словам которой, ее язык *«рассечен, как змеиное жало»*. Это, несомненно, один из лучших поэтов XXI века с талантом от Бога. Это поэзия особого внутреннего переживания мира: *«...рыбы моих восклицаний / утонули в красных прожилках слов, / похожих на опавшие листья...»*. Ее творчество метафорично, но метафоры не перегружают текст, они изящны: *«Когда небо и земля встречаются на долю секунды, сплетаясь общим языком и общей речью, рождается метафора»* («Небо стремится к полету»). Пример одной из таких метафор; основанных на билингвальном мировосприятии:

Тогда в Макеевке свирепствовал тиф.

Это что-то глубокое.

T-i-e-f - каждая буква ударяется о землю; как мяч...

Немецкое вкрапление (*T-i-e-f* - глубокий)

На первое место теперь выдвигается ценность означающего в знаке, которое принципиально противопоставляется означающему первого языка и не соотносится с ним; не временно подменяет, но полностью исключает и замещает его собою.

2. Литературное заглавие прежде всего именуется текст; по сути дела, оно «прилагается» к тексту, сопровождает его и воспринимается вместе с ним как имя именно этого текста (номинативная функция). Для литературного произведения заглавие выступает как особо значимый элемент его структуры: оно не просто помечает собою текст и этим самым вычленяет его из числа других (функция идентификации); не только, по образному выражению О. Мандельштама, «исцеляет песнь от беспамятства» (мнемоническая функция). Заглавие – это сжатый до минимума текст, а текст – это развитое заглавие. Заглавие в любом случае выступает сильной текстовой позицией. Заглавие также соотносимо с эпиграфом как «второй» сильной позицией предтекста.

В «Buona notte» («спокойной ночи») - итальянском заглавии для русского и немецкого стихотворений Е. Зейферт эксплицировано прощание, при котором сходит с кожи *обиды и морок*, что при возвращении к заглавию позволяет рассматривать его как значимый фрагмент целого большего высказывания. «Сжимая» фразу до одного слова, поэт создает заглавие, отвечающее одному из важнейших требований к поэтическому и художественному именованию вообще – лаконизму выражения.

Часто заглавие повторяется в первой строке, но там уже оно на русском языке: О. Мандельштам и первые строки: «Polaci!» - «Поляки! Я не вижу смысла / В безумном подвиге стрелков...»); «Die stille Strasse» М. Цветаевой и его первые строки: «Die stille Strasse: юная листва / Светло шумит, склоняясь над забором...».

Здесь нужно учитывать и интенции, побуждающие творческую личность к обращению к единицам иного языка и использованию их как фактов собственного художественного произведения. Происходит это в случае, когда слово «*смотрит... насыщающим взглядом обезглавленной розы*», т.е. оно теряет свою силу, тогда на помощь приходит слово другого языка: *что мы с тобой только не делали / писали звездами и молотком слово ангелн* (нем. «ловить на удочку») на языке брайля / раскрашивали ночной ветер..., но так и не додумались обнять друг друга («На кончике языка»).

Языковой знак здесь неизбежно выступает как сложное средство референтной природы, направленное «вовне», за пределы данного текста и, шире, национального языка, ассоциируемого с ним локуса («места на карте»), времени (эпохи), да и всей культуры, которой произведение естественным образом принадлежит.

Значение индивидуального творческого билингвизма в контексте любой развитой национальной культуры достаточно велико. Двухязычие (как форма социального многоязычия) есть один из необходимых путей становления национальной культуры независимо от эпохи, к которой она относится. Это так хотя бы потому, что «культура не может обойтись без опоры на множество языков» [2, с. 166].

Творческий билингвизм может рассматриваться в этом смысле с двух позиций: художественного текста, т.е. в его отношении к этому тексту, и творческого (художественного) контекста конкретной личности. И в том, и в другом виде би-

лингвизм обнаруживается в биографии и наследии многих писателей и поэтов – как классиков (А. Блок, М. Цветаева, О. Мандельштам) так и наших современников (Елена Зейферт, белорусский поэт Алесь Рязанов).

3. Используется поэтами и иноязычный эпиграф, будучи фрагментом, вынесенным за пределы собственно текста, графически максимально приближен к тексту. Как самостоятельный компонент этого комплекса, по своему весу эпиграф занимает второе место после заглавия и рассматривается в одном ряду с другими текстовыми сильными позициями. Так, у Е. Зейферт в сборнике «Потеря наружного» встречаются иноязычные эпиграфы. Например, в эпиграфом к стихотворению без названия «Эта точка на линии горизонта...» стоит эпиграф на немецком языке из Р.-М. Рильке: «*Поскольку я не коснулся тебя, / я тебя удерживаю*». Семантическая автономность этого эпиграфа обусловлена его цитатностью, что не просто усиливает интерес к стихотворению, но и рождает сложные ассоциации с опорой на текст Рильке. В этом факте можно предварительно усмотреть еще одну «скрытую» в эпиграфе функцию установления связи собственного творчества с мировым литературным процессом и, одновременно, с мировой культурой.

Интерес к иноязычному эпиграфу с течением времени то затухает, то вновь пробуждается; в постоктябрьскую эпоху такой эпиграф почти полностью выводится из стихов, но традиция его употребления оказывается продолженной поэтами-эмигрантами.

4. Что касается использования иностранных слов в аспекте их хронологии, то нужно отметить, что наиболее раннее использование иноязычия в заглавиях обнаруживаются уже в творчестве двух поэтов-классицистов – Кантемира и Державина. Весьма сдержанно пользовались иноязычным словом в заглавиях Пушкин и поэты его эпохи. На рубеже XIX и XX веков число иноязычных заглавий растет: венки сонетов у М. Волошина: «*Lunaria*» («*Лунное*», 1913) и «*Corona astralis*» («*Звездная корона*», 1909); сборник Вяч. Иванова «*Cor ardens*» («*Пылающее сердце*», 1911) и мн. др. Тенденция интегрировать иноязычие (в частности, в заглавие произведения, цикла, книги) свойственна творчеству русских символистов и, позднее, футуристов, причем на первый план теперь нередко выдвигаются соображения эстетического порядка.

Однако у тех поэтов начала XX века, чье творчество было сознательно ориентировано на русскую культуру – С. Есенина, Н. Клюева, С. Городецкого и др. такого не встречается. В советский период иноязычные заглавия и вкрапления исчезают, что обусловлено незнанием языков читателем, на которого рассчитан поэтический текст. Они встречаются только русских поэтов-эмигрантов, – И. Бунина, З. Гиппиус, В. Ходасевича, Игоря Северянина, а позднее – Набокова и Бродского. И если Набоков в этих случаях чаще пользовался современными и известными ему языками Западной Европы (двумя лагинскими названиями его стихов оказались «*Viola tricolor*» («*Фиалка трехцветная*» – «*Анютини глазки, веселье глазки...*», 1921) и «*Meretrix*» («*Блудница*» – «*Твой крест печальный – красота...*», 1923), то Бродский, озаглавливая стихи на языках Европы (например, немецком, итальянском), так же охотно употреблял в заглавиях латынь.

XXI век современной русской поэзии характеризуется резким уменьшением демонстрации билингвизма. Исключение составляют поэты, которые являются со-

циальными билингвами, одинаково хорошо знающие русский и иностранный языки (Е. Зигферт, А. Рязовнов и др.).

Феномен билингвизма – это вид специфического «диалога» автора с читателем и, шире, полилога, поэтому творческий билингвизм немислим без учета адресата, на которого рассчитано такое произведение литературы.

Выводы. Современные социальные условия способствуют изучению билингвизма – феномена, требующего комплексного, разностороннего, фундаментального исследования и самых серьезных, нетривиальных подходов. Тезис Б.А. Ларина (1963) о том, что мир становится двуязычным, можно сегодня перефразировать: «мир таковым уже стал».

Нами были выявлены вероятные тенденции в специфике введения и употребления иноязычия в поэтических текстах. Это 1) имя текста, т.е. его заглавие, и связанный с ним отношениями смыслового подчинения иноязычный подзаголовок; 2) иноязычный эпиграф; 3) иноязычный топоним – компонент хронотопонима, обозначающий место создания текста; 4) иноязычный компонент собственно текста произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста: монография. М.: Триада, 2005.
2. Мурзин Л. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 1994.
3. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Часть I: Теоретические основы изучения иноязычия в поэзии. – Ростов н/Д: Изд-во «Старые русские», 2004. – 176 с.

CREATIVE BILINGUISM AS THE IMPORTANT COMPONENT OF BILINGUISM PHENOMENOLOGY

V.A. Maslova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Vitebsk, Belarus

The article considers creative bilingualism on the basis of Russian poetry. Bilingual poets have a powerful impact on society, stimulating it to bilingual perception, bilingual forms of communication and, ultimately, bilingual thinking. Therefore, the study of the problem of individual bilingualism is important for understanding the phenomenology of bilingualism in general, which has taken one of the most important positions in the hierarchy of survival conditions in the modern world.

Key words: bilingualism, creativity, phenomenology.